

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
«СТОПЖРИМА»

ЭКСМО
МОСКВА
2 0 1 5

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г 61

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Серия основана в 1996 году

Головачёв, Василий Васильевич.
Г 61 Возвращение «Стопкрима» : [фантастический роман] / Василий Головачёв. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-699-77562-0

Больше двадцати лет назад инфарх Матвей Соболев победил Аморфа Конкере и закрыл материнскую, то есть «запрещённую» реальность слоем новых законов, надеясь, что человечество переболеет агрессивностью, как опаснейшей болезнью, и выздоровевшим шагнёт в будущее.

Но инфарх ошибся, как ошиблись и его друзья, решившие закончить деятельность «Стопкрима» — тайной организации, наводившей ужас на продажных чиновников и бандитов всех мастей.

Время снова позвало их, «неудержимых» Василия Котова, Вахида Самандара, Ивана Парамонова и их соратников, остановить беспредел криминала и навести в стране порядок. Но теперь вместе с ними в войну со злом вступает новое поколение: Матвей Котов и Дива Соболева, дети тех, кто однажды добился победы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77562-0

© Головачёв В. В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Я большой негодяй, и, может быть,
дьявол, а не бог послал меня на эту до-
рогу, но я пойду по ней до конца.

О. Генри. «Гнусный обманщик»

И предвижу я много бед,
Много-много горького плача,
Если все, в ком совести нет,
Потеряют и страх в придачу.

В. Шефнер. «Страх»

Часть I

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Глава 1

В ПОТЕНЦИАЛЕ

— **Д**ракон расправил крылья, взлетел, кинулся на них. — Ульяна сделала страшные глаза, вытянула руки в стороны, изображая крылья, Матвейка вздрогнул, хотя слышал эту сказку не раз, — но тут рядом с папой и его друзьями возникли ещё двое Посвящённых...

— Хранитель Матфей и Юрьев, — прошептал Матвейка.

— Верно, они метнули в дракона молнии, и зверь взорвался, превратился в огненный фонтан. Твой дядя Стас поднял меч...

— Но прилетел диарх Тарас и выбил у него меч, — подхватил Матвейка, — а потом дядя Артур подул в дочку — и появился сияющий Ангел, так?

— Неужели помнишь? — с сомнением посмотрела на сына Ульяна. — Тебе ж тогда всего полгода было.

Матвейка серьёзно кивнул. Он часто видел во сне финал схватки Посвящённых, среди которых был и его отец Василий Никифорович Котов, с аватарами Монарха Тьмы, и после слов мамы у него перед глазами снова встала незабываемая картина: выжженная маги-

ческим огнём чёрно-коричневая пустыня с багровыми барханами песка и праха, «жидкое» серое небо, уцелевшие кое-где золотые замки Инсектов, предков людей, и два столкнувшихся смерча — чёрный и белый, олицетворявшие силы Света и Тьмы...

— Всё закончилось хорошо. — Ульяна поправила одеяло, погладила сына по головке. — Мы победили, спи.

Матвейка улыбнулся, расслабился, закрыл глаза...

...ещё сонно жмурясь, он ткнул пальцем в сенсор мобильного будильника. Семь утра, пора вставать. Интересно, что было потом, после боя смерчей, то есть Конкере и инфарха, которым стал Матвей Соболев? Он победил? Впрочем, отец убеждён, да и мама тоже, что победили они. Монарх Тьмы был низвержен и развеян по безднам *Брахмана* — Большой Вселенной. Почему же на Земле за прошедшие с того момента двадцать с лишним лет ничего не изменилось к лучшему? Почему тьма продолжает разъедать Материнскую Реальность (отец не любил об этом рассуждать) и всюду всё больше торжествует зло?

Будильник зазвонил ещё раз.

Матвей окончательно проснулся, быстро натянул спортивный костюм: сентябрь, начало осени, по утрам прохладно, однако без дождей, солнышко, — и спустился с пятого этажа дома на 1-й Парковой, где он жил, припустил к главному входу в Измайловский парк и с удовольствием пробежался по его аллеям, практически безлюдным в это время. Делал он это каждый день, исключая воскресенье, и знал парк наизусть, как свои пять пальцев.

Когда-то Измайловский назывался парком имени Сталина, а ещё раньше, в конце шестнадцатого ве-

ка, являлся усадьбой боярина Захарьина-Юрьева, но с тех пор много воды утекло, и к двадцать первому году двадцать первого века парк превратился в одно из любимых мест отдыха москвичей. На его территории можно было покататься на велосипедах, — пункты велопроката располагались на Северной площади, у главного и Соколиного входов, — поиграть в теннис на кортах, позаниматься фитнесом, отдохнуть в пикник-зонах с друзьями и поплавать на лодках или катамаранах по прудам парка. Не говоря уже о семейном отдыхе с детьми, для которых был создан прекрасный «Панда-парк».

Однако детей у Матвея не было по причине молодости и отсутствия жены, ему в августе исполнилось двадцать два года, и о детях он пока не задумывался.

Окончив год назад Московский институт народного хозяйства, он устроился инспектором в центр СЭП — санитарно-экологической полиции и к этому моменту уже заведовал отделом по контролю за соблюдением СанПиНов¹ по концентрации запахов и химически вредных примесей.

Поначалу работа показалась ему нудной, заформализованной и слишком надуманной. Но по мере знакомства с обязанностями и письмами жителей столицы, сыпавшимися на электронную почту СЭП сотнями, он начал проникаться проблемами экологии мегаполиса и спустя какое-то время стал ходить на работу с желанием помочь людям, вдруг осознав, что его труд эксперта полезен и востребован.

В конце аллеи, ведущей к прудам западной части парка, мелькнул человек в белом. Сознание отметило его появление, но мысли были заняты другими вопросами, и Матвей не обратил внимание на раннего посетителя парка, хотя позже вспоминал незнакомца и его

¹ Санитарные правила и нормы.

белый костюм, не слишком уместный для данного времени года.

Пробежка закончилась у Соколиного входа, Матвей повернул назад и, довольный собой и погодой, вернулся домой. Постоял под душем, смывая пот, вылез чистый «аки бриллиант», поиграл мышцами, втягивая и без того плоский мускулистый живот, которым гордился, услышал звонок телефона в гостиной.

Звонил отец:

— Не разбудил, надеюсь?

— Я уже пять кэмэ по парку отмерил, — похвастался Матвей.

Отцу — Василию Никифоровичу Котову — было уже за шестьдесят, но бывший перехватчик контрразведки, владевший всеми видами рукопашного боя, держал себя в отличной форме и сына обучил особой системе выживания в экстремальных ситуациях, позволявшей адекватно реагировать на вызовы стихий и плохих парней, которых почему-то появлялось всё больше и больше. Василий Никифорович много лет проработал в спецслужбах, занимался юридической практикой, отметился в муниципальных службах, но вот уже больше десяти лет тренировал спецназ Министерства обороны и не собирался отдыхать, способный дать фору любому молодому супермену, обладавшему более впечатляющим мускульным рельефом. Хотя он и не любил показывать своё превосходство, за что Матвей уважал его ещё больше.

— Это хорошо, — одобрительно сказал отец. — Я рад, что ты держишь слово и не забываешь о тонусе.

— Это было бы ошибкой, — сказал Матвей голосом Самандара, давнего друга отца.

Котов-старший рассмеялся.

— Жизнь велика, ещё успеешь наделать ошибок.

— Я не собираюсь ошибаться.

— Жизнь прожить и ни разу не ошибиться? Что же это за жизнь такая? Впрочем, философствовать с утра, по словам Самандара, — плохая примета. Вечером ты что делаешь?

— Ну точно не философствую. Сегодня четверг, значит, после работы сразу поеду домой, Ромка обещал зайти с подругой.

— Может, к нам заедешь? Отпразднуем первую пятёрку Луши.

— По какому предмету? — обрадовался Матвей.

Луша — Лукерья была самой младшей в семье, ей исполнилось семь лет, и в этом году она пошла во второй класс гимназии. Младший брат Матвея Борутка был на три года старше её.

— По русскому языку.

— Филологом сестрёнка станет, — хмыкнул Матвей. — Ждите меня часам к семи.

Он быстро собрался, сварил кофе, с удовольствием умял два бутерброда с сыром и сел в свою «ракету», как отец называл его китайский суперкар «CSS-14 Chery», имевший вполне европейский спортивный нрав: под капотом машины прятался трёхлитровый шестицилиндровик мощностью в триста шестьдесят лошадиных сил.

Управление СЭП располагалось на улице Рогова, недалеко от метро «Шукинская». Но поскольку Матвею приходилось пересекать, по сути, всю Москву, добирался он до места работы больше часа. Как ни боролись с пробками, усугубляемыми своими «гениальными» идеями и решениями чиновников мэрии и службы ГИБДД, ничего не вышло.

Тем не менее прибыл на своё рабочее место Матвей вовремя, к десяти часам утра. Включил компьютер, обошёл сотрудников отдела, поздоровался со всеми.

Всего в подразделении насчитывалось семь человек, и все они работали не покладая рук, так как просьбы

от жителей столицы и заявления о «невыносимой жизни» — от запахов или от шума — поступали на центральный контрольный пульт СЭП в неисчислимом количестве. Москва давно стала, по убеждению Матвея, самым грязным в этом отношении городом России. Приходилось сортировать письма по мере срочности и важности, в первую очередь реагируя на приказы начальства проверить то или иное обращение.

Писем за сутки пришло более двух десятков. Матвей быстро просмотрел их, отмечая схожесть жалоб: в основном люди жаловались на шумных соседей или на нашествие насекомых, — составил план работы на день всему отделу и связался с руководителем управления Пацюком.

— Хорошо, — сказал Пацюк, всеми повадками и дорожностью отработывая фамилию героя Гоголя, глотавшего галушки, — работай, но сначала съезди на Театральную, ты там был, это где хозяин сдал квартиру таджикам.

— Хозяйка, — поправил Матвей.

— От соседей ещё одна жалоба пришла в мэрию, там отреагировали, так что займись вплотную.

— Мы же хозяйку предупредили.

— Не вняла, похоже. Можешь взять с собой досудебного исполнителя и местного участкового.

Матвей хотел сказать, что вечером занят, так как ехать в подозрительную квартиру днём означало потратить время, навещать её стоило поздним вечером, но Пацюк сам заговорил об этом:

— Поедешь поздно, часам к одиннадцати, не раньше, надо застать этих деятелей в процессе.

— Слушаюсь, товарищ полковник! — браво кинул ко лбу козырёк ладони Матвей.

Как и все полицейские, они, конечно, имели звания, — Матвей был капитаном, — но никогда не носи-

ли мундиров, однако Пацюк любил, когда его называли полковником.

Матвей быстро вывел на экран монитора заявление хозяйки квартиры на Театральной улице, Инны Ивановны, о распространении странных запахов, мешающих отдыхать и спать соседям, а ей в особенности: квартира Инны Ивановны располагалась аккурат над той, где жили таджики. Старушке исполнилось восемьдесят восемь лет, она была аллергиком, и запахи её доводили до сердечных приступов. Это заявление поступило в ЦСЭП неделю назад. Матвей съездил по указанному адресу, поговорил с Инной Ивановной, участницей Великой Отечественной войны, как оказалось, потом с её соседями и выяснил, что хозяйка квартиры этажом ниже сдала своё жильё двум «чёрным», как о них говорили, которые с месяц жили тихо, никому не мешали, а потом по ночам соседей стал беспокоить необычный запах, напоминающий запах палёной шерсти пополам с запахом горячей пластмассы и каких-то трав. Этот запах лез во все щели, но особенно доставалось верхней квартире, хозяйка которой терпела сколько могла, прежде чем написать заявление в полицию.

— К участковому обращались? — спросил Матвей.

— Трижды, — кивнула Инна Ивановна, сухонькая, седая, с морщинистым добрым лицом, — да ничего он не сделал. Приходил, постучал в дверь, ему не открыли, и на этом всё закончилось. Потом я узнала, что у нас есть эта ваша экологическая милиция, написала.

— Разберёмся, — пообещал Матвей.

С экспертом Пашей Редьковичем он ещё раз съездил по указанному адресу, с помощью японского измерительного комплекса «Мисава», имеющего датчики запахов и управляемого компьютером, замерил концентрацию вредных веществ вокруг подозрительной квартиры и вынес вердикт: жильцы в ней по ночам готовят

спайсы — курительные смеси, а то и что похуже. Хотя попасть в квартиру ни полиции, ни соседям так и не удалось. Её съёмщики умело зашифровались и на глаза никому не попадались.

Матвей доложил обо всём начальству, повесил на двери квартиры записку: жильцам явиться в ЦСЭП для дачи показаний по заявлениям соседей, — и несколько дней в этом доме всё было тихо, запахи прекратились. Угроза возымела действие. Однако, как оказалось, ненадолго. Инна Ивановна, отчаявшись, написала новое заявление, теперь уже в мэрию, и чиновники там отреагировали быстро. В нынешние времена опасно было класть письма заявителей под сукно.

— Ну, сволота узкоглазая, — сказал Паша Редькович, в прошлом морской десантник, которому Матвей сообщил о новом заявлении, — я вам покажу кузькину мать!

— Надо трясти настоящую хозяйку квартиры, — подсказал ему Матвей, — с квартирантами воевать нет смысла. Вечером поедем туда и попробуем застать поваров врасплох, а понадобится — взломаем дверь.

Хозяйку квартиры звали Белла Христенко, ее муж, таджик по национальности (она носила свою девичью фамилию), угодил в тюрьму три года назад за сбыт наркотиков. Жила она в другом районе Москвы, а данную квартиру сдала «родственникам мужа», как она написала в заявлении при оформлении документов.

Матвей позвонил ей и попросил подъехать в ЦСЭП либо встретиться на квартире, объяснил ситуацию.

— Никуда не поеду, — заявила Белла Семёновна сварливым тоном; голос у неё был прокуренный, хрипловатый. — Квартира моя, кому хочу, тому и сдаю.

— Тогда нам придётся принять меры, — сожалеюще проговорил Матвей.

— Как хотите, принимайте, — равнодушно бросила госпожа Христенко, — я тоже приму меры, мало не покажется.

На том разговор и закончился.

— Так она ещё угрожает? — удивился Паша — глыба мускулов, двадцать девять лет, сломанный нос, хмуроватое, редко улыбающееся лицо. — Копну-ка я материальчик на неё и на мужа. Может, она в каких-то связях с большими шишками?

— Давай, — согласился Матвей.

Однако ничего особенного в жизни Беллы Семёновны обнаружить Паше не удалось, даже имея доступ к базам данных полиции. За исключением одного факта: её брат Ярим Семёнович Христенко когда-то участвовал в составе бандгруппы «Правого сектора» на Украине в боях с противниками фашистской власти в Киеве, отметился в Дагестане, а в настоящее время являлся депутатом Госдумы.

— Неужели она надеется, что брат её прикроет? — засомневался Паша.

— Посмотрим, — сказал Матвей. — Сразу после работы ехать на квартиру бесполезно, эти крысы начинают варить зелья ночью, значит, встречаемся по адресу часов в одиннадцать. Возьми «Мисаву», детектор «Инкеон» и химию, сделаем анализ прямо там. Я предупрежу управдома, вполне возможно, что понадобится помощь слесаря, будем ломать дверь.

— Это по мне, — сжал кулаки Паша. — Участкового надо бы вызвать.

— Не сейчас, — сказал Матвей после недолгих размышлений. — Не люблю я таких мордovorотов, в пятьдесят лет всё ещё лейтенант. Вдруг он кормится от квартирантов Беллы Семёновны? Предупредит ещё. Оттуда вызовем.

После работы он поехал к родителям.